

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (В. А. Лапшин) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. С. А. Кулаков. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. Е. В. Белыева, В. П. Любин. Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. В. Е. Щелинский. Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков. Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной. Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских. Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. В. В. Питулько. Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. О. В. Лозовская. Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина. Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. В. С. Бочкарев. К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин. Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. А. В. Поляков, И. П. Лазаретов. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. С. С. Миняев. Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. В. А. Горончаровский. Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. С. В. Кашаев. Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. Ю. А. Виноградов. Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков. Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. В. А. Лапшин. Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская. Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. И. И. Еремеев. К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. А. И. Сакса. Выборг — город на перекрестке истории	348
Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (<i>V. A. Lapshin</i>)	5
---	---

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives . . .	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. KashaeV</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References	379
----------------------	-----

List of abbreviations	417
---------------------------------	-----

II.5. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА МИНУСИНСКИХ КОТЛОВИН*

А. В. Поляков, И. П. Лазаретов**

Аннотация. Статья посвящена изучению хронологии эпохи бронзы на территории Минусинских котловин (Республика Хакасия и юг Красноярского края РФ). Представлены основные хронологические схемы, созданные С. А. Теплоуховым и М. П. Грязновым. В основной части работы описаны современные представления об относительной и абсолютной хронологии археологических культур данного периода. Приведено их соотношение с ранее используемыми схемами. Особое внимание уделено разделению на хронологические этапы окуневской культуры и эпохи поздней бронзы. В статью включены данные о результатах радиоуглеродного датирования памятников.

Ключевые слова: Центральная Азия, Южная Сибирь, Минусинские котловины, эпоха бронзы, афанасьевская культура, окуневская культура, федоровская культура, эпоха поздней бронзы, хронология, радиоуглеродное датирование.

Минусинские котловины для российской археологии совершенно особое, знаковое место. В начале XX в. на основе материалов проведенных здесь раскопок С. А. Теплоуховым была разработана периодизация археологических памятников от неолита до монгольского времени (*Теплоухов*, 1927). Именно эта блестящая работа заложила фундамент современных научных знаний. Схема развития археологических культур Минусинских котловин с момента ее разработки С. А. Теплоуховым сразу стала опорной для всего обширного сибирского региона. Он выделил три последовательно сменявшие друг друга археологические культуры эпохи бронзы: афанасьевскую, андроновскую и карасукскую (рис. 1). В дальнейшем продолжительные периоды научного изучения памятников завершались написанием ключевых, итоговых работ. К числу таких базовых монографий, закрепляющих результаты определенного исследовательского этапа, относится монография С. В. Киселёва, в которой он значительно расширил представления ученых об археологических культурах, выделенных С. А. Теплоуховым (*Киселёв*, 1951).

* Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. E-mail: poliakov@yandex.ru, lazaretov@yandex.ru

С конца 50-х гг. прошлого века особую роль в изучении археологии Минусинских котловин начинает играть Институт истории материальной культуры РАН (в тот период Ленинградское отделение Института археологии АН СССР). В связи со строительством Красноярской ГЭС под воду должны были уйти огромные территории, чрезвычайно богатые археологическими памятниками. Для их спасения в стенах института была создана Красноярская археологическая экспедиция под руководством М. П. Грязнова. В результате проведенных ее отрядами раскопок за очень короткий период объем источников по археологии практически всех эпох Минусинских котловин вырос в несколько раз (*Грязнов и др.*, 2010. Прилож. II, табл. 1). Итог этого важнейшего исследовательского периода был подведен в эпохальной работе Э. Б. Вадецкой, где подробно описана вся сложившаяся на тот момент хронологическая колонка (*Вадецкая*, 1986).

С 90-х гг. прошлого века в изучении археологических древностей Минусинских котловин начался новый этап. Тогда было сделано много важных открытий, изменяющих наши представления о развитии культур эпохи бронзы, разработаны хронологические схемы отдельных археологических культур. На основе данных радиоуглеродного анализа сформулировано современное

Теплоухов С.А. 1920-е годы	Грязнов М.П. 1970-е годы	Современная хронология 2000-е годы
I этап Минусинской курганной культуры	подгорновский этап тагарской культуры	подгорновский этап тагарской культуры
	баиновский этап тагарской культуры	
Карасукская культура	Карасукская культура "классический" (карасукский) этап	IV этап — Б
		— А
		— В
		— А
Эпоха поздней бронзы	каменоложский этап	III этап — Б
		— А
		II этап
		I этап — Б
Афанасьевская культура	Афанасьевская культура	— А
		— Б
		— А
		— Б
Андроновская культура	Андроновская культура федоровский этап	Андроновская (федоровская) культура
	Окуневская культура	Окуневская культура
Афанасьевская культура	Афанасьевская культура	Разливский этап ?
		Черновский этап
		Уйбатский этап
Афанасьевская культура	Афанасьевская культура	Афанасьевская культура
неолит	неолит	неолит

Рис. 1. Схема относительной хронологии культур энеолита и эпохи бронзы Среднего Енисея на разных этапах ее развития

представление об их абсолютных датах. К сожалению, эти новые результаты исследований отражены в большом числе самостоятельных публикаций и не формируют комплексной картины, которая крайне важна для понимания всех процессов, протекавших в этот период на Среднем Енисее.

Особую сложность при изучении памятников древних периодов Минусинских котловин представляет абсолютная хронология. Продолжительное время не было никакой объективной основы для определения дат памятников эпохи бронзы, и исследователям приходилось опираться на аналогии с очень отдаленными территориями, хронология которых также не может рассматриваться как незыблемая точка отсчета. Использование естественно-научных методов, и в первую очередь радиоуглеродного датирования, долгое время оспаривалось археологами ввиду неоднозначных результатов анализа, полученных на первом этапе. Огромными шагами вперед в развитии этого метода стали введение калибровочной кривой и появление ускорительной масс-спектрометрии (AMS), которая позволяет датировать небольшие по объему образцы. Полученные в последние десятилетия результаты позволяют значительно уточнить хронологические рамки наиболее древних археологических культур Среднего Енисея (Suyatko et al., 2009; Поляков, Святко, 2009; Поляков, 2010; 2017) (рис. 2).

Радиоуглеродные даты не являются историческими в прямом смысле этого слова. В самой основе метода заложено несколько допущений, которые не позволят даже в самом идеальном варианте получить дату, точно совпадающую с реальным историческим событием. Они «работают» в своей собственной системе координат. Постепенно она все ближе подходит к реальной исторической хронологии, и введение калибровочных кривых — это важный шаг в этом направлении. Однако в обозримом будущем нет перспектив того, что они сольются. Основная задача радиоуглеродных определений состоит в создании единого пространства радиоуглеродных дат, которое дает возможность выявлять относительную хронологию

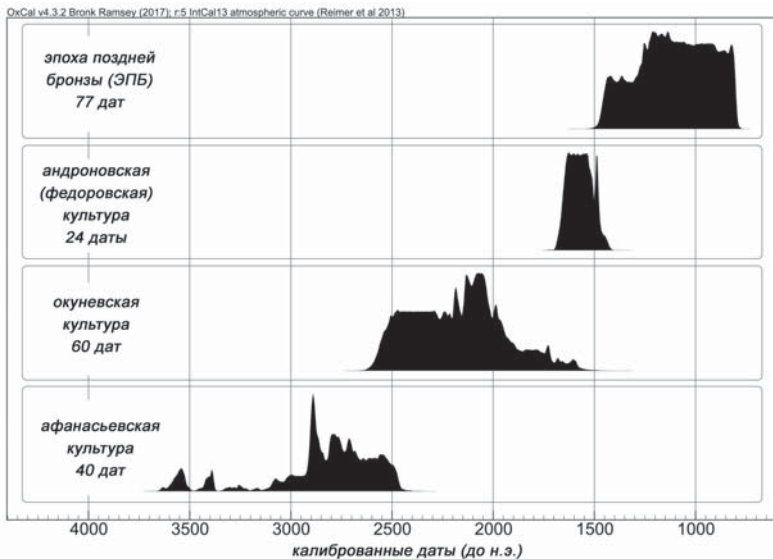

Рис. 2. Результаты радиоуглеродного датирования погребальных памятников археологических культур эпохи бронзы Минусинских котловин

культур, памятников и даже отдельных сооружений или слоев. Абсолютная дата, полученная этим методом, является по своей сути вторичной. Это лишь один из источников данных, которым может воспользоваться исследователь при определении исторической даты. Однако для афанасьевской, окуневской и андроновской (федоровской) культур Минусинских котловин это единственный источник информации об их возрасте. Исходя из этого, пока приходится использовать радиоуглеродные даты в качестве абсолютных.

Согласно мнению большинства исследователей, афанасьевская культура сформировалась в Саяно-Алтайском регионе в результате миграции европеоидного населения (Степанова, Поляков, 2010). Современные данные антропологии и палеогенетики подтверждают гипотезу археологов о далеких западных корнях этих людей и тесно увязывают их происхождение с ямной КИО (Хохлов и др., 2016; Rasmussen et al., 2015; Hollard et al., 2018). Именно с афанасьевской культурой связано появление на Среднем Енисее металлургии, скотоводства и курганной погребальной традиции. К сожалению, погребальные памятники неолита до сих пор в Минусинских котловинах не обнаружены, а немногочисленные стоянки и сборы не дают ясного представления о быте и обрядах, проживавших здесь ранее людей (Вадецкая, 1986. С. 11–14), поэтому вопрос о взаимоотношении представителей афанасьевской культуры с автохтонным населением по-прежнему остается открытым. Можно только отметить, что, по имеющимся данным антропологии и генетики, нет каких-либо признаков инкорпорирования местных жителей в состав афанасьевской культуры.

Продолжительное время радиоуглеродная хронология афанасьевской культуры входила в противоречие с данными традиционных археологических методов. На основании суммы радиоуглеродных дат хронологические рамки афанасьевской культуры для Горного Алтая были определены, как 38–25 вв. до н. э., а Среднего Енисея — 33–25 вв. до н. э. (Поляков, Святоко, 2009; Поляков, 2010). Однако в настоящее время стало очевидным, что бытование афанасьевской культуры на протяжении 1400–1500 лет не соответствует археологическим реалиям (Степанова, 2009; Вадецкая и др., 2014). Хронологический отрезок такой протяженности неизбежно должен подразделяться на этапы, прослеживаемые в развитии

вещ элементов культуры, и в первую очередь в погребальном обряде и типах инвентаря. Однако за девятистолетнюю историю изучения афанасьевских древностей так и не удалось зафиксировать и описать подобного развития.

Новейшие исследования радиоуглеродных дат афанасьевской культуры на Алтае показали, что ранее полученные жидкостно-сцинтилляционным методом (LSC) даты по образцам дерева оказались удревлены на 250–800 лет (*Поляков и др.*, 2017; *Poliakov et al.*, 2019). Это позволяет предполагать, что и на Среднем Енисее очень ранние даты могильника Малиновый Лог (37–34 вв. до н. э.), также полученные по образцам дерева LSC-методом, не отражают реальную хронологию афанасьевских древностей. Если учитывать исключительно даты, сделанные по костям погребенных методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS), то продолжительность афанасьевской культуры окажется заметно короче — 29–25 вв. до н. э. На территории Среднего Енисея пока не обнаружено свидетельств резервуарного эффекта, который мог бы необоснованно удревить определения возраста, сделанные по костям человека (*Svyatko et al.*, 2017). Таким образом, наблюдается тенденция к заметному сужению хронологических границ афанасьевской культуры, что снимает острые противоречия с данными традиционных археологических методов. Ее реальная продолжительность составляет не более 500 лет, что соответствует как числу оставленных погребальных памятников, так и другим наблюдениям археологов.

В последние годы наметился прорыв в изучении внутренней относительной хронологии афанасьевской культуры Среднего Енисея. И. П. Лазаретов предложил новый подход к пониманию развития погребальных памятников этого периода (*Лазаретов*, 2017). Согласно его мнению, наблюдается определенная линия развития форм и деталей орнамента керамики. Ранние образцы максимально близки к афанасьевской керамике Алтая, а поздние демонстрируют следы влияния окуневской культуры (рис. 3). Пока эта гипотеза находится в стадии осмысления и требует дополнительного обоснования, но отдельные доказательства, демонстрирующие ее справедливость, уже можно отметить. Например, современные данные радиоуглеродного датирования подтверждают опорную часть этой гипотезы

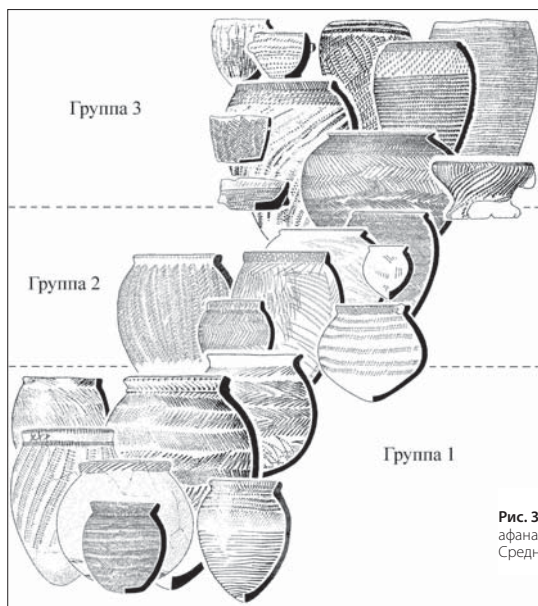

Рис. 3. Схема развития афанасьевской керамики Среднего Енисея

о более раннем возрасте афанасьевских памятников Алтая (*Poliakov et al.*, 2019, Fig. 5). В случае, если удастся подтвердить верность данной гипотезы, это станет настоящим прорывом в изучении эпохи ранней бронзы не только Среднего Енисея, но и всей Центральной Азии.

В середине 60-х гг. прошлого века Г. А. Максименковым была выделена окуневская археологическая культура, сменяющая афанасьевскую в Минусинских котловинах (*Максименков*, 1965; 1975). Она также сформировалась в ходе мощного миграционного импульса, пришедшего с запада. На это указывают кардинальная смена практических всех черт погребального обряда и инвентаря, а также антропологического типа населения и его ведущих гаплотипов (*Damgaard et al.*, 2018). При этом прослеживаются аналогии с памятниками позднего периода и катакомбной КИО в схожем инвентаре (курильницы с перегородкой) и уникальных погребальных конструкций (погребения катакомбного типа, ямы с низко опущенными заплечиками). Результаты радиоуглеродного анализа позволяют относить памятники окуневской культуры к 26(25)–18 вв. до н. э. (*Svyatko et al.*, 2009; *Поляков, Святко*, 2009; *Поляков*, 2017). Сопоставление суммарных вероятностей дат афанасьевской и окуневской культур показывает, что их взаимное наложение составляет около 100 лет и не может рассматриваться как свидетельство их продолжительного сосуществования.

Большим достижением последних десятилетий стало разделение окуневской культуры на хронологические этапы. На основе материалов раскопок могильников в долине реки Уйбат И. П. Лазаретовым был выделен ранний уйбатский этап, заметно отличающийся типами погребальных сооружений и инвентаря (*Лазаретов*, 1997). Относительно более поздний черновский этап был так назван по наиболее известному и детально исследованному памятнику Черновая VIII (*Максименков*, 1980). Эта схема разделения на два последовательных этапа на сегодняшний день поддержана практически всеми археологами, занимающимися данной проблематикой (рис. 4–5).

Несколько позже Д. Г. Савинов, опираясь, прежде всего, на развитие художественного стиля, предложил дополнить эту схему финальным разливским этапом (*Савинов*, 2005). На основании радиоуглеродных дат эти этапы датируются: уйбатский — 26–23 вв. до н. э., черновский — 22–20 вв. до н. э. и разливский — начиная с 19–18 вв. до н. э. (*Поляков*, 2017) (рис. 6).

Исследования относительной хронологии памятников окуневской культуры продолжаются. В новой статье, посвященной публикации материалов раскопок кургана 1 могильника Красный Камень в Богарском районе Республики Хакасия, предложено деление лебжанского хронологического горизонта, расположенного на стыке уйбатского и черновского этапов (*Лазаретов, Поляков*, 2018). Он демонстрирует многочисленные переходные и смешанные признаки, имея пограничный характер. На основании серии радиоуглеродных дат его следует относить к 23 — началу 22 вв. до н. э.

Новое федоровское население проникло в Минусинские котловины с северо-запада по лесостепному коридору (*Максименков*, 1978). С ним связано появление обряда трупосождения и иной материальной культуры (рис. 7). Памятники, оставленные федоровским населением, не известны южнее места впадения реки Абакан в Енисей. Возможно, в южной части Минусинских котловин продолжительное время сохранялось окуневское население, следы контактов с которым фиксируются вплоть до начала эпохи поздней бронзы (карасукское время) (*Вадецкая*, 1986. С. 41–42; *Лазаретов*, 2001. С. 104; *Савинов*, 2002. С. 24). Характер взаимодействия представителей окуневской и федоровской культур пока ещё мало изучен. Исследователи отмечают некоторые схожие формы сосудов и близость элементов их орнаментации, однако прямых свидетельств контактов пока не установлено (*Вадецкая*, 1986. С. 46). Радиоуглеродные даты андроновских (федоровских) памятников Минусинских котловин долгое время были крайне противоречивы, но последние серии, полученные в лабораториях Берлина и Белфаста, указывают на хронологический промежуток — 17–15 вв. до н. э. (*Поляков, Святко*, 2009).

Наиболее сложные культурно-исторические процессы протекали на территории Минусинских котловин в эпоху поздней бронзы (ЭПБ), которую традиционно принято объединять в понятие карасукской культуры. Современные исследования, проведенные на основе изучения горизонтальной stratigraphии крупнейших могильных полей, насчитывающих сотни и даже тысячи курганов, позволяют выделить для ЭПБ четыре последовательных периода, включающих восемь хронологических горизонтов (*Лазаретов, Поляков*, 2008). Полученные результаты не дают оснований рассматривать ЭПБ в качестве единой культуры, разделенной на этапы. В течение этого времени происходили разнонаправленные культурные и миграционные импульсы, зачастую кардинально меняющие облик археологических памятников.

На момент сложения памятников ЭПБ Минусинские котловины были разделены на две части. Северную (Назаровская, Чульмо-Енисейская и Сыда-Ербинские котловины) занимало население, оставившее памятники федоровской археологической культуры. Южнее широты современного города

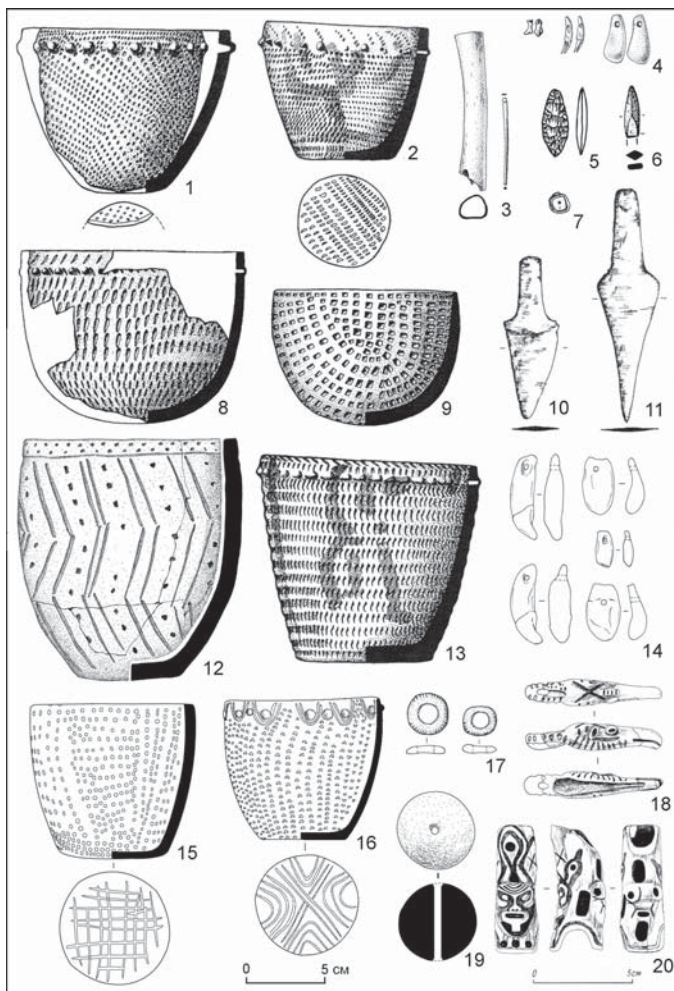

Рис. 4. Материалы погребений уйбатского этапа окуневской культуры Среднего Енисея (по Лазаретов, 1997; Поляков, Есин, 2015).

Уйбат V: 1, 7 — курган 1, могила 3; 2 — курган 1, могила 6; 3 — курган 1, могила 7; 5, 6, 8 — курган 1, могила 5.

Уйбат III: 9 — курган 1, могила 7; 4, 10, 11 — курган 1, могила 1; 13 — курган, 1 могила 4.

Итколь II: 12, 14, 17 — курган 12, могила 3; 15, 18–20 — курган 14, могила 4; 16 — курган 14, могила 8

Рис. 5. Материалы погребений черновского этапа окуневской культуры Среднего Енисея (по Максименков, 1980). Черновая VIII: 1 — курган 2, могила 2; 2 — курган 3, могила 15; 3 — курган 8, могила 11; 4 — курган 14, могила 3; 5 — курган 12, могила 1; 6 — курган 10, могила 2; 7 — курган 3, могила 4; 8 — курган 1, могила 4; 9, 10 — курган 4, могила 7; 11 — курган 10, могила 5; 12, 19 — курган 9, могила 7; 13 — курган 4, могила 2; 14 — курган 11, могила 6; 15, 18 — курган 9, могила 4; 17 — курган 8; 20 — курган 4, могила 1; 21 — курган 8, могила 13; 22, 23 — курган 11, могила 8; 24 — курган 1, могила 6; 25 — курган 4, могила 5

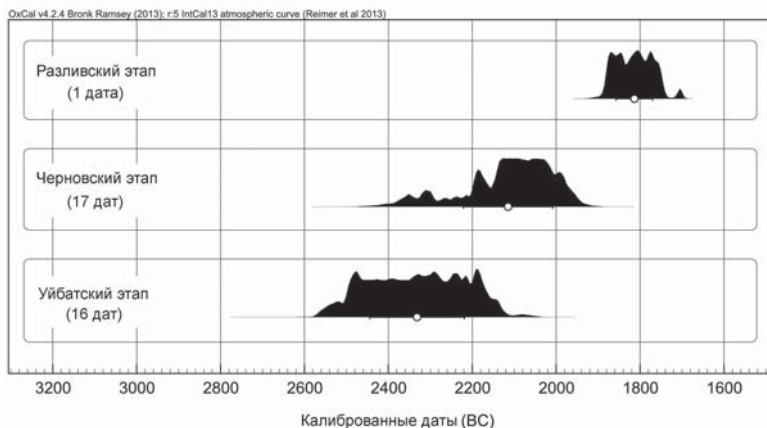

Рис. 6. Сопоставление суммарных результатов анализа радиоуглеродных дат этапов окуневской культуры Среднего Енисея

Абакана, возможно, в этот период сохраняли свои позиции представители окуневской культуры. Наиболее ранние памятники хронологического горизонта I-а ЭПБ фиксируются только в центральной части Минусинских котловин (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинские котловины).

Большинство исследователей, ранее занимавшихся этой проблемой, считают, что произошел процесс эволюции и «карасукская культура» сложилась на основе местного андроновского (федоровского) субстрата (*Зиен Динь Хоа*, 1966; *Комарова*, 1975. С. 92–94; *Максименков*, 1978. С. 110–121). Однако выявление наиболее раннего пласта ЭПБ (горизонт I-а) позволило обратить внимание на отсутствие непосредственных элементов преемственности с местной федоровской культурой (*Поляков*, 2009). Все сходные детали носят стадийный характер и могут рассматриваться как общий андроновский «фон», в равной степени присущий обеим группам населения. Кардинально отличаются все наиболее яркие черты погребального обряда: керамика, бронзовый инвентарь, ориентировка и положение тела погребенного. Появляется совершенно уникальная традиция помещения в могилу определенного набора кусков мяса в виде сопроводительной пищи. Причем все эти черты образуют единый и полностью сложившийся обряд, резко отличающийся от местной федоровской погребальной традиции.

Сложение ЭПБ Среднего Енисея фиксируется в результате появления целого спектра инноваций, демонстрирующих связь с «постандоновским миром», но не находящихся прямых истоков в местной федоровской культуре (рис. 8). Вероятно, они были принесены новым населением, пришедшим с запада, с территории современного Казахстана. На первом этапе мигранты заняли только центральную часть Минусинских котловин, частично ассимилировав, а в основном оттеснив федоровские племена на север, в Назаровскую котловину. После этого последовал период сосуществования, который фиксируется в виде серии случаев механического смешения в одной могиле признаков «карасукского» и федоровского обрядов погребения, обнаруженных исключительно вдоль разделительной полосы между Назаровской и Чулымо-Енисейской котловинами (*Поляков*, 2008).

Следующий горизонт (I-б) характеризуется процессами внутреннего развития культуры: унификацией и стандартизацией погребального обряда, выработкой устойчивых форм керамических и бронзовых изделий. Происходит постепенный отказ от редко встречающихся элементов и форм. Например, перестает использоваться посуда с уплощенным дном. На сосудах уменьшается число вариантов орнамента, а сами они становятся заметно проще. Еще один важный признак горизонта I-б — начало активной экспансии на юг, в Минусинскую котловину. Это явление прослеживается в появлении к югу от широты города Абакана целой серии могильников, начало функционирования которых связано

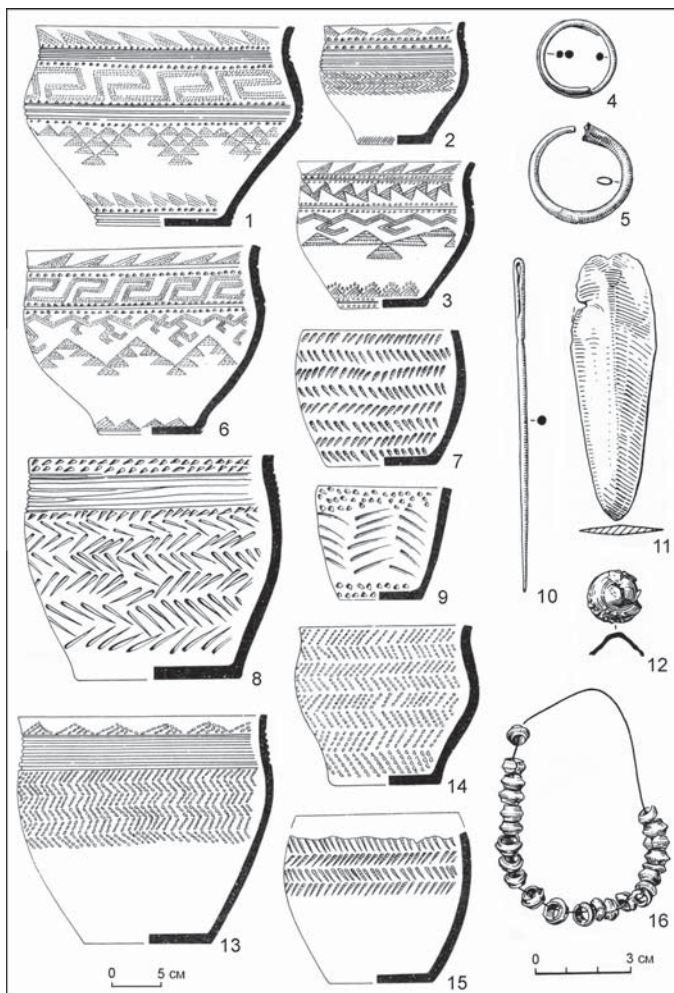

Рис. 7. Материалы погребений федоровской (андроновской) культуры Среднего Енисея (по Максименков, 1978).
 Сухое Озеро I: 1 — курган 1; 2 — курган 440, могила 2; 3, 7 — курган 442, могила 2; 4, 5 — курган 617; 6 — курган 442, могила 4; 8 — курган 26; 9 — курган 442, могила 5; 13 — курган 440, могила 1; 14 — курган 442, могила 3; 15 — курган 662, могила 2. Сухое Озеро Ia: 12 — курган Ia.
 Пристань I: 10, 16 — ограда 7, могила 4; 11 — ограда 5

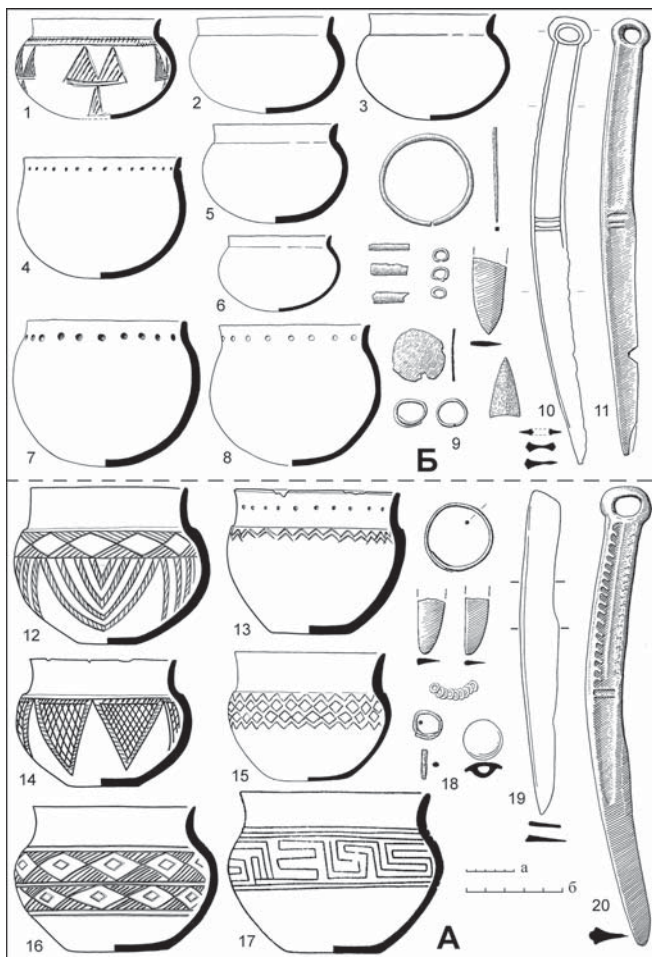

Рис. 8. Материалы погребений I этапа ЭПБ (по Лазаретов, Поляков, 2008).

Малье Копёны III: 1 — курган 86, могила 4; 3 — курган 2, могила 4; 4 — курган 43, могила 3; 5 — курган 94, могила 1; 6 — курган 114, могила 3; 7 — курган 111, могила 4; 17 — курган 31, могила 1. Варча I: 2 — курган 20, могила 1. Сухое Озеро II: 7 — курган 337, могила 3; 11 — курган 252, могила 4; 12 — курган 163, могила 3; 13 — курган 141, могила 12; 14 — курган 81, могила 3; 16 — курган 248-а; 20 — курган 349, могила 1. Карасук I: 8 — курган 35, могила 2. Окунев Улус I: 10 — могила 12. Орак у Болота: 19 — могила 4.

Масштабы: а — для керамики; б — для вещей

с поздней частью периода I-6 (Терт-Аба, Сабинка П, Окунев Улус). Самые ранние их погребения практически не отличаются от синхронных захоронений, расположенных севернее. Вероятно, это кладбища при выдвинутых на юг форпостах.

Именно это движение на юг и привело в дальнейшем к формированию II этапа ЭПБ (рис. 9). Он отличается появлением большого числа инновационных культурных элементов, которые проявляются преимущественно в южных районах и почти полностью отсутствуют в северной части ареала. Вероятно, в результате экспансии на юг возникли новые контакты, которые фиксируются в виде изменений в типах сопроводительного инвентаря (керамики, женского погребального костюма, бронзовых ножей), конструкций погребений и самого погребального обряда. Отдельно стоит отметить изменения, произошедшие в бронзолитейной традиции. Именно с началом II этапа происходит постепенный переход от использования оловянистой бронзы к мышьяковистой меди (*Хаврин*, 2010).

Особое значение для этого периода имеет появление в могилах вещей, прежде всего бронзовых ножей, имеющих прямые аналоги в памятниках на территории Северного Китая, датирующихся эпохой Шан-Инь (*Варёнов*, 1981; 1988; 2005; 2017; *Чжун Сук-Бэ*, 2000). В качестве примера можно привести цельнолитые ножи с тремя «кнопками» на кольцевом навершии. Изделия этого типа (4 случая) обнаружены исключительно в погребениях II этапа ЭПБ Минусинских котловин. Они практически идентичны серии изделий, обнаруженных в Китае и датирующихся XII в. до н. э. (*Варёнов*, 2017). Это чрезвычайно важное явление, позволяющее, во-первых, подтвердить южное направление возникших связей, а во-вторых, сопоставить результаты радиоуглеродного датирования с данными письменных источников.

На II этапе ЭПБ наблюдается наиболее яркое районирование. В южной части Минусинских котловин прослеживается весь спектр инноваций, включающий не только появление в могилах изделий новых типов, но и смену главенствующей ориентировки погребений с СВ на ЮЗ (*Грязнов и др.*, 2010. С. 51, табл. 11). В это же время севернее указанные признаки отсутствуют, там происходит лишь процесс саморазвития культуры на основе I этапа. Такое распределение отчетливо показывает, что направление инновационного импульса шло с юга. Именно в этот период на кладбища появляются группы «атипичных» погребений, которые могут быть связаны с пришлым населением, принесшим с собой эту «инновационную волну» (*Грязнов и др.*, 2010. С. 83–94).

III этап ЭПБ Минусинских котловин заметно отличается от всей предыдущей линии развития (рис. 10). Именно эти памятники М. П. Грязнов выделял в особый «каменоложский этап». По всей видимости, в данный период происходит усиление инфильтрации нового населения и его активная метисация с местными жителями, что выражается в значительном изменении форм и орнаментов сосудов, позы и ориентации погребенных, появлении новых типов бронзовых изделий. Изменения затрагивают даже наиболее консервативные элементы погребального обряда — конструкции погребальных сооружений. Причем сохраняется разделение на северную и южную часть Минусинских котловин. Если на юге эти процессы идут максимально активно, то на севере долгое время сохраняются консервативные признаки, а развиваются только наиболее изменчивые элементы погребального обряда — керамика и инвентарь (*Лазаретов*, 2006; *Лазаретов, Поляков*, 2008). Именно на этот период приходится максимальное расширение ареала памятников, которые фиксируются не только в Назаровской котловине, но и оставляют признаки своего влияния в памятниках ирменской культуры в Ачинско-Марининской лесостепи (*Членова, Бобров*, 1991; *Бобров и др.*, 1997. С. 11).

В ходе изучения самого крупного из известных могильников этого периода Белое Озеро автор раскопок И. П. Лазаретов проследил определенную линию развития погребений, что позволило ему разделить III хронологический этап на три самостоятельных горизонта (III-а, III-б, III-в) (*Лазаретов*, 2006). Наиболее ранних из них тесно связан с предшествующими памятниками и отчасти продолжает их линию развития. Горизонт III-б наиболее стабильный, он демонстрирует период сложения всех признаков и стабилизации обряда. Наконец, завершающий горизонт III-в знаменует появление новых типов инвентаря и погребальных сооружений, которые получают дальнейшее развитие уже на IV этапе ЭПБ.

Для III этапа характерно сохранение контактов с Северным Китаем. В погребениях этого периода представлены колеччатые ножи с «грибовидным» навершием и предметы неизвестного назначения (ПНН), которые часто называют «пряжками колесничего». Они находят аналоги в изделиях из памятников эпохи Чжоу. Таким образом, на протяжении двух последовательных периодов в истории Минусинских котловин и Северного Китая наблюдаются определенные связи, что уже не может рассматриваться как случайность.

Завершает линию развития ЭПБ Минусинских котловин IV этап (рис. 11). Он представлен памятниками «типа Байнов Улус», которые долгое время по хронологии М. П. Грязнова относились к скифскому

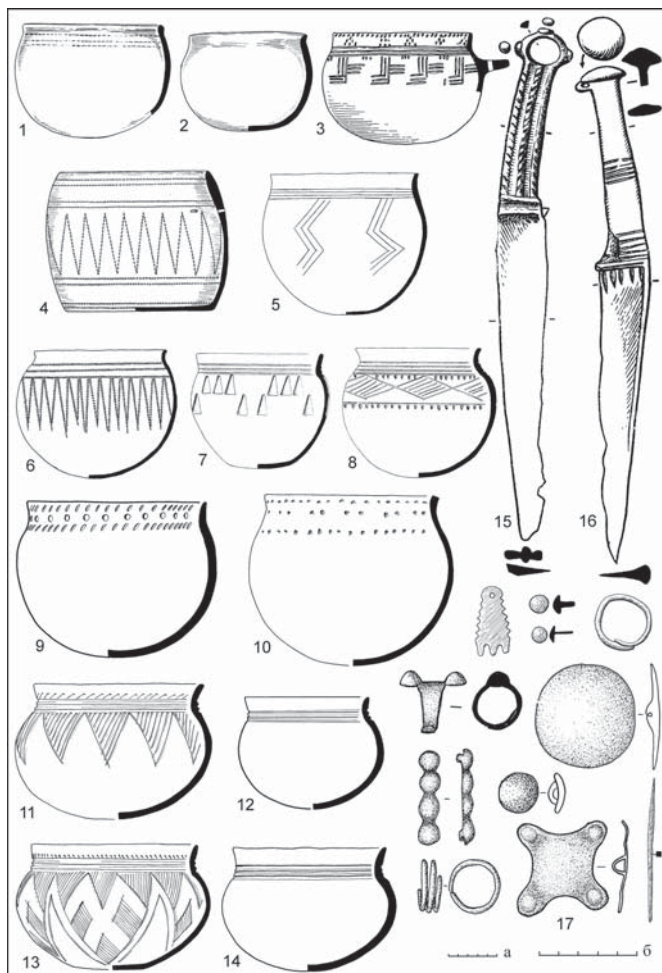

Рис. 9. Материалы погребений II этапа ЭПБ (по Лазаретов, Поляков, 2008).

Арбан I: 1 — могила 18; 2 — могила 28; 4 — могила 35. Бельтыры: 3 — курган 7. Терт-Аба: 5 — курган 39; 6 — курган 19. Быстрая II: 7 — могила 7; 8 — могила 5. Сухое Озеро II: 9 — курган, 493 могила 2; 12 — курган 325, могила 2; 14 — курган 427, могила 2. Разлив VI: 10 — ограда 33, могила 5. Карасук I: 11 — курган 54, могила 1; 13 — курган 28, могила 1. Бей: 15 — могила 3. Абакан I: 16 — погребение 21.

Масштабы: а — для керамики; б — для вещей

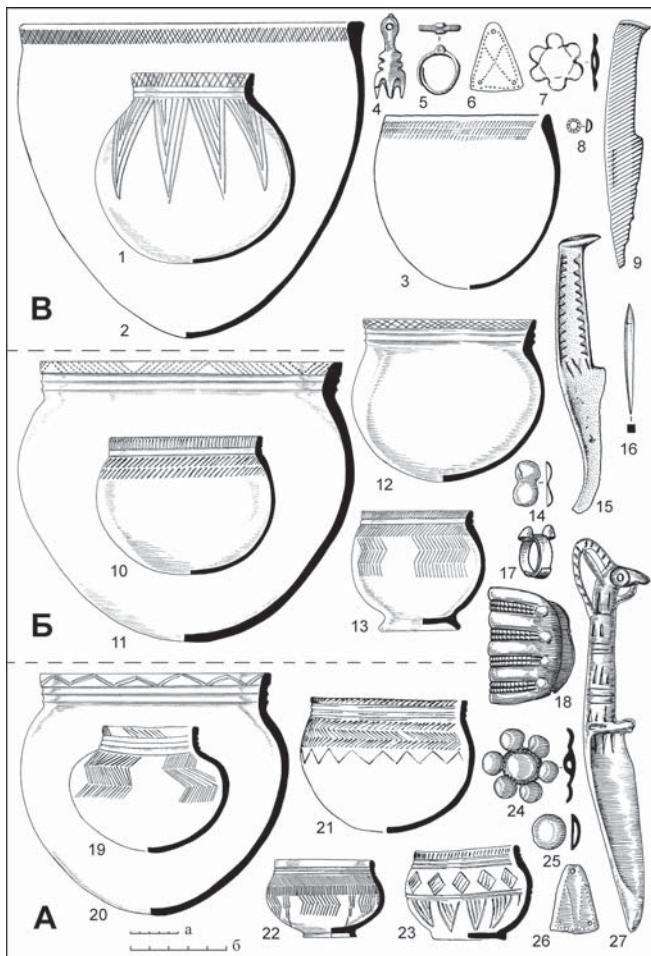

Рис. 10. Материалы погребений III этапа ЭПБ (по Лазаретов, Поляков, 2008).

Белое Озеро I: 1, 4 — курган 59, могила 3; 10 — курган 60; 11 — курган 57; 12 — курган 36; 13 — курган 59, могила 4; 14 — курган 34, могила 1; 16 — курган 2, могила 2; 20, 24 — курган 69, могила 1; 22 — курган 20, могила 2; 25 — курган 64; 26 — курган 75, могила 1. Арбан III: 2 — курган 1, могила 1. Каль: 3, 5, 9 — курган 3, могила 1. Лугавское III: 6 — курган 7, могила 1; 7 — курган 3. Волчий Лог: 8 — могила 3; 15, 17 — могила 5. Федоров Улус: 18 — могила 17. Карасук IV: 19 — курган 2; 21 — курган 10. Карасук VIII: 23 — курган 3, могила 2. Подкуинские Горы: 27 — могила 1.

Масштабы: а — для керамики; б — для вещей

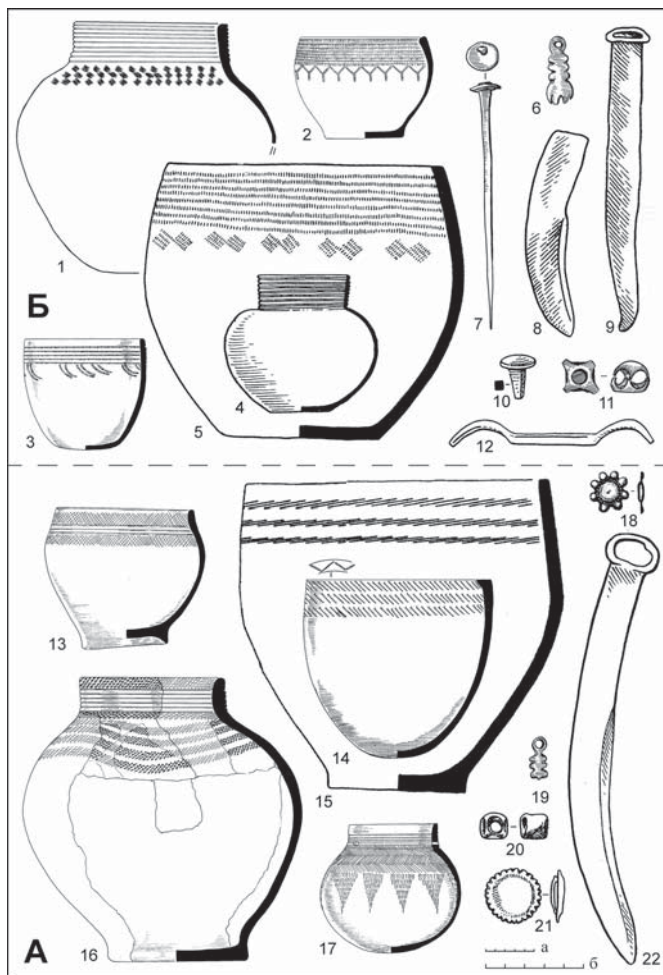

Рис. 11. Материалы погребений IV этапа ЭПБ (по Лазаретов, Поляков, 2008).

Бырганов V: 1, 6, 11 — курган 9, могила 2; 7 — курган 2, могила 2. Лугавское III: 2 — курган 1. Белое Озеро I: 3 — курган 5, могила 1; 13 — курган 63, могила 3; 14 — курган 53; 16 — курган 40, могила 2; 17, 19 — курган 62, могила 2. Байнов Улус: 4 — курган 1; 8 — курган 4. Самохвал: 5 — курган 9, могила 2. Ильинская Гора: 9 — курган 1. Минусинск VII: 10, 12 — курган 4, могила 1. Ефремкино: 15 — курган 8; 20, 21 — курган 7. Усть-Чуль: 18 — курган 6, могила 3. Аскиз VI: 22 — курган 3.

Масштабы: а — для керамики; б — для вещей

времени и входили в состав раннего баинновского этапа тагарской культуры. Однако разработка дробной линии развития комплексов Минусинских котловин позволила установить, что памятники «типа Баинов Улус» являются продолжением местных традиций (ЭПБ) и их причисление к кругу скифских древностей ошибочно (Лазаретов, 2007). Большая часть типов погребальных сооружений и инвентаря на протяжении данного этапа развивается, что позволило разделить эти памятники на два последовательных хронологических горизонта — IV-а и IV-б (Лазаретов, 2006).

По мнению И. П. Лазаретова, период существования данных комплексов был весьма непродолжителен (Лазаретов, 2007. С. 102). В них полностью отсутствуют ключевые признаки, характеризующие начало скифского периода в истории Минусинских котловин. Вероятно, формирование тагарской культуры связано с новой миграционной «волной», которая фиксируется появлением в могилах многочисленных предметов вооружения, иного погребального костюма, изображений в зверином стиле и других элементов. Все они появились сразу, в едином комплексе и в полностью сложившемся виде. На территории Минусинских котловин не удастся проследить процесс их формирования. Это предполагает появление групп нового населения и некоторый период их сосуществования с местными жителями, наследниками традиций ЭПБ.

На данный момент сумма радиоуглеродных дат для памятников ЭПБ укладывается в период 14–9 вв. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 32–35; Svyatko et al., 2009). К сожалению, различные хронологические горизонты датированы крайне неравномерно. Очень мало дат получено из образцов, относящихся к I и IV этапам ЭПБ. Кроме того, протяженность отдельных горизонтов весьма невелика (менее 100 лет), и при существующем уровне доверительных интервалов любая радиоуглеродная дата будет перекрывать сразу несколько соседних горизонтов. Данное обстоятельство не позволяет на современном этапе проверить относительную хронологию радиоуглеродным методом, как было сделано, например, для окуневской культуры.

На основании имеющегося хронологического отрезка можно примерно оценить возможную датировку отдельных этапов. I этап будет относиться к 14–13 вв. до н. э. Следующий, II этап, в таком случае следует датировать 12–11 вв. до н. э. Эта дата хорошо согласуется с хронологией эпохи Шан-Инь Северного Китая (13–11 вв. до н. э.), которая синхронизируется со II этапом на основании типов найденных в погребениях ножей. Этапы III и IV, которые представлены заметно меньшими по размеру могильниками, можно отнести к 11–10 и 10–9 вв. до н. э. соответственно. При этом III этап также увязывается на основании колденчатых ножей и ПНН с эпохой Чжоу Северного Китая, дата которой приходится на 11–9 вв. до н. э. Таким образом, для эпохи поздней бронзы радиоуглеродные даты хорошо подтверждаются аналогиями с памятниками, датированными по письменным источникам.

При сравнении имеющихся для ЭПБ дат с результатами радиоуглеродного анализа тагарских памятников наблюдается небольшая «нахлест». Наиболее ранние памятники скифского времени также относятся к 9 в. до н. э. (Алексеев и др., 2005. С. 222–223; Поляков, Святко, 2009. С. 32–35; Svyatko et al., 2009). Это может служить косвенным подтверждением того, что некоторый период сосуществования населения, наследников традиций эпохи бронзы, и носителей скифской культуры имел место, однако, этот вопрос требует гораздо более детального изучения.

Подводя итог краткому обзору современного состояния разработки хронологии памятников эпохи бронзы Минусинских котловин, следует отметить, что за последние десятилетия произошло много важных изменений в понимании как абсолютной, так и относительной хронологии указанного периода. Однако новые знания рассеяны по десяткам отдельных научных работ, что не позволяет сформировать общую картину развития и взаимодействия отдельных культур или групп памятников. После работы Э. Б. Вадецкой (Вадецкая, 1986), которая подвела итог масштабным исследованиям Красноярской экспедиции, накопилось много принципиальных изменений, требующих единого взгляда на картину в целом. На сегодняшний день требуется создание нового крупного монографического исследования, которое собрало бы воедино части этой мозаики.